

Милана Усманова

РАЗВОД

**ТВОЙ УСПЕХ
ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ**

Милана Усманова

**Развод. Твой успех
принадлежит мне**

«Автор»

2026

Усманова М.

Развод. Твой успех принадлежит мне / М. Усманова — «Автор», 2026

— Ли́ка — Артём тоже сел, потянулся к брюкам.— Какой ты прекрасный подарок мне приготовил, — услышала я свой спокойный голос, словно со стороны. — Просто незабываемый. Офигенный.— Подожди, ты не так поняла...Я не дала ему договорить. Два шага к кровати. Крышка с коробки слетела на пол. Я схватила торт обеими руками, чувствуя, как пальцы проваливаются в мягкий бисквит, и с размаху впечатала Тёме в его симпатичную физиономию.— С днём рождения меня, — зло усмехнулась я.Развернулась и пулей вылетела из номера. По коридору, по лестнице, мимо дежурной, которая что-то спросила вслед, но я её не расслышала, в ушах стоял белый шум.Села в машину и уставилась на руль невидящим взором. Пальцы были в липкой глазури и белом сливочном креме. Я смотрела на них и отстранённо подумала, что надо бы вытереть, а то руль испачкаю. Судорожно вынула влажные салфетки, остарвенело отёрла ладони.Руки тряслись так, что я едва попала ключом в замок зажигания. В душе зияла огромная чёрная дыра...

© Усманова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Милана Усманова

Развод. Твой успех принадлежит мне

Глава 1

Торт я заказала сама. Кондитерская на Пятницкой, маленькая, с запотевшей витриной и очередью из трёх человек. За стеклом лежали пирожные, выстроенные в ряды: эклеры, корзиночки с ягодами, наполеоны.

Передо мной стояла женщина с ребёнком лет пяти. Мальчик ныл и тянул её за рукав, требуя эклер. Женщина раздражённо шипела на него сквозь зубы, чтобы успокоился. Я смотрела на них и думала, что всегда очень хотела детей, но Артём был неизменно против, считая, что тогда я не смогу полноценно выполнять свою работу, ведь очень многое в его карьере было завязано на меня.

Когда подошёл мой черёд, кондитер, девчонка с пятном мучной пыли на предплечье, деловито-дружелюбно уточнила:

— Подпись делать будем?

Я представила фразу «С днём рождения, Анжелика» на чёрном глянце и отрицательно качнула головой. В тридцать пять заказывать себе именной торт – это как аплодировать самой себе в пустом зале.

— Нет. Просто положите одну свечу.

Девчонка пожалала плечами, сунула в коробку тонкую розовую свечку и пробила чек. Сумма была немаленькой, но лакомство того стоило. Артём любил именно это сочетание: чёрная смородина с тёмным шоколадом.

Я расплатилась, подхватила коробку и вышла на улицу. Декабрьский ветер ударил в лицо, заставив меня сощуриться. До машины было метров пятьдесят, коробку пришлось прижать к груди, чтобы не выбило из рук. Дошла, поставила торт на соседнее сиденье. Дальше мой путь лежал в офис, который располагался в бизнес-центре у метро «Белорусская», на третьем этаже. Две комнаты: моя и переговорная. На входной двери висела табличка «Горбов Менеджмент».

Славик сидел за компьютером, уставившись в монитор. Мой помощник двадцати пяти лет отроду, худой, сутулый, с вечно сползающими очками на носу. Он знал про ММА больше, чем любой комментатор на федеральном канале. Статистику держал в голове, бойцов узнавал по силуэту, мог назвать результат любого боя за последние десять лет. Я переманила его из спортивного издания два года назад, предложив зарплату в полтора раза выше. И с тех пор ни разу не пожалела.

— Анжелика Константиновна! — мужчина развернулся в кресле. — Я думал, вы сегодня не придёте.

— Заехала за документами по «Вольту». Всё готово?

— На вашем столе. Юристы вычитали вчера, замечаний нет. Но сначала посмотрите сюда.

Он ткнул пальцем в монитор. Я подошла, наклонилась. На экране висела таблица рейтингов среднего дивизиона, обновлённая после турнира в Абу-Даби.

— Артём Викторович на первом, — сказал Славик. — Разрыв с Мендесом увеличился, тот проиграл в октябре и откатился на четвёртое. Но смотрите, кто вернулся в список.

Я пробежала глазами по строчкам. Остановилась на седьмой. Ильяс Азимов. Ворон. Тридцать три года, пятнадцать побед, три поражения. Последний бой был два года назад.

— Он же без контракта ушёл, — заметила я.

— Был без контракта. Вчера объявили: подписал с сингапурским промоушеном. Будет драться через два месяца с Дэвисом.

Я выпрямилась. Дэвис – это серьёзно. Американец, входит в топ-пятнадцать мирового рейтинга, жёсткий ударник, нокаутёр. Если Ворон его пройдёт, о нём заговорят снова.

— Он ведь отказался ложиться против Перейры, — зачем-то понизил голос Славик. — Костин его за это и выкинул из «Легиона», типа неуправляемый.

— Я знаю.

— Если Ильяс вернётся в топ-пять, Костину придётся его подписать обратно. Или объяснить, почему лучший претендент дерётся в Азии, а не у него.

Я согласно кивнула. Славик прав. Политика промоушена, денежные потоки, личные счёты – всё это влияло на карьеры бойцов не меньше, чем результаты в клетке. Ворон послал Костина, и Костин его уничтожил. Два года без боёв, без денег, без перспектив. Большинство бойцов на его месте сломались бы. Ворон, судя по всему, нет.

Два года назад он дрался с Артёмом. Я стояла у клетки и смотрела, как во втором раунде Ворон поймал моего мужа на контратаке. Левый хук в челюсть чёткий и мега быстрый. Артём поплыл, ноги подогнулись, он схватился за сетку. Ворон добивал его секунд пятнадцать, серия ударов по корпусу и в голову. Гонг спас Артёма.

В перерыве я лила ему воду на голову, давала нюхать нашатырь. Он смотрел сквозь меня пустыми глазами и не мог сфокусироваться. Я говорила ему что-то, не помню что, Руслан орал инструкции, а Артём просто сидел и тупо пялился в никуда. Третий раунд он бегал, клинчевал, вязал Ворона в захватах. В четвёртом по счастливой случайности рассёк ему бровь. Кровь залила Ворону глаз, врач остановил бой. Техническая победа.

После боя, в раздевалке, Артём сидел на скамейке и молчал. Руслан с командой вышли, мы остались одни. Артём посмотрел на меня и признался: «Этот псих меня чуть не уложил. Никаких реваншей. Скажи Костину, что я отказываюсь».

Я передала его слова Костину. И два года отбивала все предложения о повторном бое.

— Интере-е-сно, — протянула я. — Ладно, потом посмотрю подробнее. Мне пора.

Забрала папку с документами со своего стола, пролиставла страницы. Всё на месте: условия, сроки, штрафные санкции. Производитель энергетиков «Вольт», годовой контракт, хорошие деньги за три рекламных ролика и присутствие логотипа на форме. Артём даже не интересовался, что он будет рекламировать – ему было плевать, лишь бы платили хорошие деньги.

— Славик.

— Да?

— Найди мне всё по Ворону за последний год. Где тренируется, с кем работает, кто финансирует поездку в Сингапур. К понедельнику.

Он кивнул, записал что-то в блокнот. Я сунула папку в сумку и пошла к двери.

— Анжелика Сергеевна.

— Да?

— С днём рождения. Точнее с наступающим! — смущённо улыбнулся помощник.

Я обернулась и улыбнулась в ответ:

— Спасибо, Слав.

Уже будучи в лифте достала телефон, пришло новое сообщение от Леры.

«Зайка, с наступающим! Поздравляю пораньше, потому что потом буду вне зоны действия сети. Целую, завтра созвонимся!»

Вне зоны действия. Лера вечно куда-то пропадала: то на дачу к родителям, то в командировку по работе. Она писала для спортивного издания, моталась по турнирам, брала интервью у бойцов. Мы познакомились на одном из таких турниров. Она делала материал про молодых и перспективных. Разговорились в пресс-зоне, обменялись номерами. С тех пор уже лет пять дружим.

Я написала в ответ: «Спасибо, зая! Целую», – и вышла из лифта.

На Ленинградку свернула около семи вечера. Пробки почти схлынули, поток пошёл ровнее. В машине играло радио, какая-то попса, я раздражённо поморщилась и выключила.

Идея приехать к Артёму оформилась окончательно, когда я встала на светофоре у Тверской. Мы не виделись больше двух недель. Созванивались каждый день, иногда по два-три раза, но телефонный голос и живой человек – это разные вещи. Мне хотелось его увидеть, обнять, ткнуться носом ему в шею и постоять так минуту, ни о чём не думая.

До пансионата было сто пятьдесят километров по Ленинградке. Артём жил там на сборах, готовился к февральскому бою с Мендесом. Руслан, наш тренер, гонял команду и в хвост и в гриву, но непременно с перерывами на обед и крепкий сон. Артём говорил, что вымотан, что спит по восемь-девять часов и всё равно не высыпается.

Я вчера просила его приехать, отпроситься на один день:

— Удастся вырваться ко мне?

— Нет, малыш, прости. Очень плотные тренировки.

Малыш. Я ненавидела это слово, и он прекрасно это знал, и продолжал использовать, потому что Артём Горбов делал только то, что хотел. Эта черта на ринге превращала его в чемпиона. За пределами клетки она делала его невыносимым.

— Тогда, может, мне приехать? Хотя бы на один день.

— Не нужно, мы ожидаем ребят из UFC, будем с ними общаться... Ты не злишься?

— Нет, — мне с трудом удалось не показать ему своего разочарования.

— Точно?

— Артём, мне почти тридцать пять, а не восемнадцать. Работай.

За МКАДом фонари кончились, потянулась темнота. Фары выхватывали из мрака заснеженные обочины, чёрные стволы деревьев, редкие указатели. Солнечногорск, Клин, Завидово. Пансионат располагался в ста пятидесяти километрах от Москвы, на полпути к Твери.

Пятнадцать лет назад я вошла в зал на окраине Тушино, куда затащил меня бывший однокурсник, обещавший показать «парня, который порвёт всех». Полуподвальное помещение, низкий потолок, под ним гудят люминесцентные лампы. Там пахло старыми матами, потом, дешёвым разогревающим кремом.

Парень оказался худым, злым, с рассечённой бровью и повадками бездомного кота, ещё не решившего, царапнуть тебя или подставить шею для ласки. Он дрался на любительском турнире за четыре тысячи рублей и проиграл по очкам, потому что в третьем раунде полез в размен вместо того, чтобы работать на дистанции. После боя я подошла к нему.

— Ты проиграл, потому что у тебя нет плана, — деловито заметила я. — Ты дерёшься, как будто у тебя одна жизнь и она заканчивается через три раунда.

Он поднял голову. Лёд сполз, обнажая гематому на скуле.

— А ты кто?

— Человек с планом.

Он рассмеялся. У него был хороший смех, открытый, мальчишеский, совершенно невозможный для того, кто минуту назад молотил кулаками чужое лицо. Через месяц мы встречались. Спустя ещё три я нашла ему первого серьёзного спонсора. Через год он подписал контракт с «Легионом», крупнейшим промоушеном страны, и каждое слово его приветственной речи на пресс-конференции написала я, сидя на полу в гостиничном номере, в три часа ночи, с карандашом в зубах.

Через два мы поженились.

Тут пиликнул сотовый – это было напоминание: «Позвонить маме». Я поставила его три года назад, когда её не стало, и не могла заставить себя удалить. Раньше мама звонила первой, ровно в полночь. «Анжелочка, с днём рождения, доченька». Каждый год одни и те же слова. А затем у неё случился инфаркт, скорая не успела. Я сама поставила напоминалку, которая будто приходила мне от матушки, та тёмная тоска давно прошла, сменившись светлой грустью.

— Спасибо, мамочка, за жизнь. Люблю тебя, — шепнула я.
Я смахнула уведомление и чуть прибавила скорость.

Пансионат выплыл из темноты около девяти тридцати вечера. Советская трёхэтажная коробка с облупившимися колоннами у входа, штукатурка местами осыпалась, обнажая кирпич. Вокруг пристройки разных лет: спортивный корпус с решётками на окнах, столовая с дымящей трубой, административное здание. На парковке стояло несколько машин, в том числе чёрный джип Руслана и серебристая Ауди, которую я не узнала.

Я заглушила двигатель и посидела минуту, глядя на корпус. Окна Артёма на втором этаже были тёмными, точно спит. Я улыбнулась, представив, как он проснётся от моего прикосновения, как буркнет что-то недовольное, а потом увидит торт и беззаботно рассмеётся.

Взяв коробку с соседнего сиденья, пошла к входу. Дежурная за стойкой сонно на меня посмотрела, узнала и молча кивнула. Я бывала здесь десятки раз, давно своя “в доску”.

На лестнице пахло пирожками и тушёными овощами, видно, этим их кормили за ужином.

Второй этаж. Длинный коридор с одинаковыми дверями. Номер двенадцать. Я достала ключ и осторожно вставила в замок, стараясь не греметь. Провернула, створка открылась почти беззвучно.

В прихожей было ожидаемо темно. Я сделала шаг, прикрыла за собой дверь и замерла, давая глазам привыкнуть. Сбросила ботинки и в носках двинулась по коридору, на полпути в спальню услышала странные звуки: ритмичный скрип кровати, а следом приглушённый, полный сладострастия, женский стон, а за ним низкий, хриплый голос... Тёмы.

Мозг отказывался верить: может, это телевизор? Или вообще кто-то развлекается в соседнем номере?

Я быстро, почти бегом дошла до комнаты и толкнула дверь. Резко нажала на выключатель у входа и помещение мигом озарилось ярким искусственным светом.

Глава 2

Сбитое одеяло на полу. Артём сверху, голая спина, лопатки ходят под кожей. Под ним женщина, с разметавшимися тёмными волосами на подушке.

Всего секунда и картинка претерпела кардинальные изменения: вот они оба, как ошпаренные, подскочили и отскочили друг от друга.

Лера, полными ужаса глазами, вытаращилась на застывшую каменным изваянием меня. Вот, оказывается, почему она “вне зоны доступа”... – в такой зоне, когда надо успеть переспать с мужем подруги в день её рождения.

Валерия резко села, натянув одеяло на грудь. Глаза круглые, рот приоткрыт.

— Лица... — Артём тоже сел, потянулся к брюкам.

— Какой ты прекрасный подарок мне приготовил, — услышала я свой спокойный голос, словно со стороны. — Просто незабываемый. Офигенный.

— Подожди, ты не так поняла...

Я не дала ему договорить. Два шага к кровати. Крышка с коробки слетела на пол. Я схватила торт обеими руками, чувствуя, как пальцы проваливаются в мягкий бисквит, и с размаху впечатала Тёме в его симпатичную физиономию.

— С днём рождения меня, — зло усмехнулась я.

Развернулась и пулей вылетела из номера. По коридору, по лестнице, мимо дежурной, которая что-то спросила вслед, но я её не расслышала, в ушах стоял белый шум.

Села в машину и уставилась на руль невидящим взором. Пальцы были в липкой глазури и белом сливочном креме. Я смотрела на них и отстранённо подумала, что надо бы вытереть, а то руль испачкаю. Судорожно вынула влажные салфетки, остарвенело отёрла ладони.

Мотор завёлся с третьей попытки. Руки тряслись так, что я едва попала ключом в замок зажигания. Сто пятьдесят километров обратной дороги я преодолела на автопилоте. Не помню ни одного поворота, ни одного светофора. В душе зияла огромная чёрная дыра...

Домой приехала около часа ночи. Вошла в квартиру и замерла в прихожей. Его кроссовки у двери, белые с чёрной полосой, сорок четвёртый размер. Его куртка на вешалке, подаренная мной на прошлый Новый год. Фотография на стене: отпуск в Турции, мы загорелые, улыбаемся. Я помнила тот день, мы плавали на яхте, пили вино, он обнимал меня за плечи и говорил, что любит.

Жутко затошнило, спазм сжал горло. Бросилась в ванную и меня вырвало желчью.

Умывшись, промаршировала в спальню, достала из шкафа дорожную сумку и начала кидать в неё свои вещи. Не разбирая, брала, что попадалось: джинсы, свитера, футболки, бельё.

Вернулась в ванную, открыла шкафчик над раковиной. Моя полка, его полка. Его бритва, пена, одеколон. Я сама всегда всё для него покупала, Тёма давно забыл, что такое походы по магазинам.

Зло фыркнув, взяла свою косметичку и вышла, не оглядываясь.

Сунула в сумку зарядку от телефона, ноутбук, кое-какие рабочие папки с контрактами, которые ещё не были подписаны, медиаплан на следующий квартал.

Открыла сейф, вынула из него паспорт, свидетельство о рождении, доки по маминой квартире, страховки. На нижней полке лежала бархатная коробка с малой парюрой, подарок Артёма после его большой победы, естественно, я забрала и её.

Телефон в кармане завибрировал, достала, посмотрела: «Мой чемпион». Отклонила вызов. Он перезвонил сразу же. Отклонила снова. Пришло сообщение: «Лица, возьми трубку, надо поговорить». Я не дрогнувшей рукой перевела телефон в беззвучный режим и вернулась к прерванному занятию.

Уже в дверях остановилась на мгновение. Посмотрела на квартиру, в которой жила много лет. Кухня, где я готовила ему его любимые блюда. Гостиная, где мы смотрели бои и он орал на телевизор, когда его любимые бойцы проигрывали. Спальня, где мы спали, занимались сексом, ссорились, мирились. Балкон, где он курил по ночам, каждый раз обещая бросить.

Двенадцать лет брака коту под хвост. Я не собиралась его прощать. Терпеть не могу предателей.

Выключила свет, вышла, закрыла дверь на ключ и устремилась по лестнице вниз...

Однокомнатная квартира встретила меня запахом краски и строительной пыли.

После маминой смерти квартира пустовала год, потом я решила и запустила арендаторов, которые в итоге загадили всё, что только можно. Как только они съехали, я решила сделать капитальный ремонт. Наняла бригаду, дала указания и ждала скорого результата.

Сейчас квартира выглядела соответственно. Стены ободраны до кирпича, на полу полиэтилен и засохшие потёки шпаклёвки. Окна заклеены малярным скотчем. На кухне стояли вёдра с краской и валики, в углу прихожей мешки с мусором.

Я стояла посреди этого хаоса, с огромной сумкой в руке.

— Ну что же, начну всё сначала, — криво усмехнулась я, поставила поклажу на газету и села на старый, продавленный диван, стоявший в углу зала.

Легла прямо в куртке. Достала из кармана сотовый, посмотрела на экран. Дофига пропущенных. Десток сообщений: «Возьми трубку», «Это не то что ты думаешь», «Лица блять ответить». Я нажала кнопку выключения и смотрела, как гаснет экран.

Потолок “украшали” рыжие пятна от протечки. Где-то капала вода, наверное, рабочие ещё не сменили старый смеситель, надо бы встать, проверить. Не встала.

Мне исполнилось тридцать пять лет, я даже и представить не могла, что всё будет вот так... Отвратительно. Слеза скатилась по щеке, за ней ещё одна, и я не стала их удерживать.

Глава 3

Суббота началась с боли в шее. Я проснулась на продавленном диване и, негромко чертыхаясь, с трудом села. Массируя затёкшую шею, посмотрела в окно, в котором серело декабрьское утро, такое же безрадостное, как и моё настроение.

Куда-то идти, что-то делать, с кем-то говорить - совсем не хотелось. Существовать не хотелось.

Я провалилась до полудня, потом, кое-как внутренне собравшись, всё же заставила себя подняться. Побрела по квартире, обходя вёдра с шпаклёвкой, переступая через мешки со строительным мусором. Дотащилась до ванной, сделала дела, умылась ледяной водой. Вернулась в зал и замерла по центру, глядя на голый кирпич, пытаюсь вспомнить, какого цвета были обои. Но, увы, память подводила.

Снова легла и закрыла горящие огнём веки. Провалилась в тяжёлую полудрёму.

Очнулась резко, будто из толщи воды вынырнула, жадно глотая пахнувший клеем и краской воздух. Потянулась к сотовому, включила. Тридцать два сообщения от Артёма, девять пропущенных вызовов, но читать не стала, силой воли заставив себя снова выключить гаджет.

Тут противно сжался и заныл голодный желудок. Я прошла на кухню, открыла холодильник и обнаружила там съжившуюся луковицу и пакет с чем-то окаменевшим, видно, арендаторы оставили, а рабочие не удосужились выбросить. Я выкинула всё в мусорный мешок и пошла ко входной двери.

Магазин располагался в соседнем доме. «Пятёрочка» с вывеской, на которой не горели две буквы. Внутри било по глазам люминесцентным светом, из динамиков лилась приторная попса, покупатели толкались с тележками у касс. Я взяла корзину и побрела между стеллажами.

Вино выбирала долго, по привычке даже не глядела на то, что было на порядок дороже. Стремление экономить на себе всё никак не могла перебороть, хотя иногда пыталась. Остановилась на красном полусухом за четыреста рублей, потому что на этикетке был нарисован виноградник, похожий на тосканский. Глупая причина. Потом взяла батон белого хлеба, тот, что помягче, упаковку сосисок, корейскую лапшу. Посмотрела на свою корзину и усмехнулась. Праздничный ужин на тридцатипятилетие. Шикарно.

Девушка на кассе пробила товары и выдавила дежурное «хорошего вечера». Я молча кивнула и, забрав пакет, вышла в темноту.

Дома сварила лапшу и сосиски в мятой алюминиевой кастрюле, ела из неё же, макая хлеб в горячий острый бульон. Открыла вино, отпила прямо из горлышка. Дешёвое пойло, но оно хоть как-то приглушило горечь предательства на языке. К полуночи бутылка опустела. Легла на диван, не раздеваясь, натянула на себя куртку вместо одеяла и почти мгновенно уснула. И, кажется, я снова плакала, в этот раз во сне.

Воскресенье встретила с раскальвающейся головой.

Лежала, боясь шелохнуться, и слушала, как за стеной у соседей работает телевизор. Кто-то смеялся, хлопали в ладоши. Наверное, какое-то шоу. Нормальные люди смотрят воскресные передачи, пьют чай, живут свою нормальную жизнь. А я валяюсь в разгромленной квартире, провонявшая вином и потом, и жалею себя.

После полудня в дверь громко, требовательно постучали. Я вздрогнула и резко села, в висках прострелило неприятной болью, к горлу подступила горечь.

— Лика! Я знаю, что ты здесь. Твоя машина во дворе. Открой.

Артём.

Его голос я бы узнала из тысячи. Пятнадцать лет просыпалась под этот голос, засыпала под него, выстраивала вокруг этого подлеца всю свою жизнь.

Дождавшись, когда головокружение схлынет, не спеша растянулась на диване, приготовившись слушать козла-муженька.

— Лика, хватит. Как в детском саду, ей богу! Давай поговорим нормально, мы же взрослые люди... Я понимаю, ты злишься. Но это не повод вот так... Лера ничего не значит для меня, это просто секундная слабость. А я всего лишь мужчина. Понимаешь?

Секундная слабость, всего лишь мужчина... Его член случайно оказался в моей подруге. Бывает. По этой логике, чем мы тогда отличаемся от зверей?

Я повернулась на бок, посмотрела в окно, на плывущие по небу облака.

— Ладно, не хочешь разговаривать – твоё дело. Но учти: у меня бой через три недели. Мне нужен менеджер. Ты не можешь просто взять и захандрить посреди подготовки.

Я упрямо молчала.

— Лика!

Тишина.

Удар. Ещё один, мощнее. Дверь содрогнулась, с косяка посыпалась штукатурка.

— Блядь! - прорычал Тёма с той стороны. Затем ударил ещё раз и... Я услышала его тяжёлые шаги на лестнице, которые всё отдалялись. Хлопнула подъездная дверь.

— Отвали, скотина, — прохрипела я в пустоту комнаты, — ты мне больше не нужен. Проживу без тебя.

Глава 4

Понедельник начался в семь утра, с лязга ключей в замке.

Я подскочила от страха, не понимая, откуда у почти бывшего мужа ключи? Я специально сбежала от него, чтобы он не мог на меня давить, когда я не готова к бою. Сердце бешено заколотилось, в голове помутилось. Дверь распахнулась, на пороге возникли двое мужчин с рюкзаками в руках.

— Опа. Доброго утра, Анжелика Константиновна.

Я моргнула, пытаясь собрать мысли в кучу.

— Д-доброе, — облегчённо выдохнула я.

Они удивлённо переглянулись. Тот, что постарше, с седыми усами и добродушным лицом, почесал затылок.

— А вы чего тут... э-э?

— Я уже уйду, приехала проверить, как продвигается ремонт, — сморозила я полную чушь, которая звучала просто жалко. Женщина в мятой одежде, с нечёсаными волосами, ночует в квартире посреди ремонта. Рядом пустая бутылка из-под вина, кастрюля с недоеденной лапшой.

— Ну, нам работать надо, — сказал второй, помоложе, ещё больше смущаясь, чем я. — Сегодня собирались стены штукатурить, будет пыльно.

— Да, конечно. Я уйду.

Я торопливо закинула в сумку свои вещи, сгребла мусор в пакет. Хотелось провалиться сквозь землю. Вот так выглядит дно, подумала я. Дно выглядит, как пустая бутылка дешёвого вина и сочувствующие взгляды посторонних людей.

Уже в дверях обернулась.

— Кран на кухне течёт, проверьте, пожалуйста.

И вышла, не дожидаясь ответа.

Отель нашла недалеко от Белорусской. Ничего особенного, три звезды, стандартный номер с видом на глухую стену соседнего здания. Но там было чисто, тепло, и в ванной стоял набор с шампунем и гелем для душа.

Я провела под горячей водой не меньше получаса, смывая с себя эти два дня, тёрла кожу мочалкой, пока та не покраснела. Потом завернулась в халат, села перед зеркалом и поглядела на своё отражение. На меня смотрела незнакомая женщина. Серое лицо, синяки под глазами, бледная кожа. Ей можно было дать сорок, или даже больше.

Но мне всего тридцать пять, правда, при этом нет ни дома, ни мужа, ни детей. Всё, что я строила пятнадцать лет, рассыпалось за одну ночь.

Достала из сумки косметичку. Тональный крем, консилер, тушь, помада. Наносила медленно, тщательно, как художник грунтует холст перед работой. Слои за слоями, чтобы получилась идеальная маска. Когда закончила, из зеркала смотрела уже другая женщина. Не та, что пила вино из горлышка и спала в куртке. Ухоженная, собранная, деловая. Я выглядела почти убедительно, почти как прежняя супер-менеджер Артёма Горбова.

Оделась в костюм, который выудила со дна сумки. Всё это время обдумывая, что же будет дальше? И ответ нашёлся довольно быстро - развод. Тихий, без скандалов. Разделить имущество, подписать бумаги, разойтись. Найти новую работу. Где-нибудь. Кем-нибудь. Начать сначала.

Простой выполнимый план.

Взяла папку с не подписанными контрактами и поехала в офис. Надо забрать свои вещи, оставить Славе эти договоры, пусть передаст Артёму, после чего отправлюсь к юристу и подам на развод. Тем самым закрыв эту главу своей жизни. Она не была плохой, вовсе нет, в благо-

дарность за счастье, мстить Артёму я не стану. Пусть живёт и радуется, хоть с Валерией, хоть с десятком таких, как она.

А в офисе меня ждал сюрприз.

Горбов, вольготно устроившись за моим рабочим столом, смотрел на меня и в его глазах я читала тупое упрямство.

На диване для посетителей, съёжившись и прижимая к лицу скомканный платок, сидела Лера.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Артём заговорил первым.

— Лица, нам надо поговорить. Думаю, ты успокоилась, не станешь эмоционировать и внимательно нас выслушаешь.

Голос у него был вкрадчивым, мягко-примирительным, с теми самыми интонациями, с которыми он разговаривал со спонсорами, когда хотел произвести благоприятное впечатление.

— Нам не о чем разговаривать, — отрезала я.

— Подожди. Пожалуйста.

Лера всхлипнула. Я покосилась на неё: красные глаза, потёкшая тушь, распухший нос. Она выглядела несчастной. Она, которая трахалась с моим мужем в мой день рождения, смела сидеть тут и выглядеть несчастной.

— Признаю, я был неправ, — продолжил Горбов. — Повёл себя как последний мудака. Прости меня.

Я молчала.

— Но есть кое-что, что ты должна знать.

Тут встала Валерия, сделала неуверенный шаг ко мне.

— Лица, — голос её дрожал, срывался, — мы с Артёмом переспали всего два раза.

От этого заявления мои брови сами подскочили вверх.

— Первый раз по пьяни, второй раз в прошедшую пятницу. Но я не хотела, я... Как-то само так вышло.

— Стоп! — выдохнула я, потёрла виски, снова противно запульсировавшие. — Не желаю слушать подробности вашего предательства. Вы оба плюнули мне в душу, подобное я простить не могу. Ни тебе, Тёма, ни тебе, Лера.

— Лица, послушай, — опять завёл шарманку Артём, — всего два раза и то по ошибке. Я хочу закрыть эту тему. Главное сейчас, что мы можем всё решить. Валерия ни на что не претендует, она исчезнет из нашей жизни...

— Я подаю на развод, — отчеканила я, сложив руки перед грудью, чтобы хоть как-то отгородиться от этих людей.

Артём осёкся, его шея начала наливаться алой краской злости, маска виноватого исчезла, проступило что-то жёсткое, злое. От неожиданности я сделала шаг назад.

— Одумайся, — глухо прорычал он.

— Мы разводимся — повторила я. — Завтра же найду адвоката.

— И что ты будешь делать после? — хищно прищурился он, медленно встал, обогнул стол и пружинистой походкой подошёл ко мне. — Без меня, — продолжал напирать, нависнув надо мной монолитной глыбой. — Что ты будешь делать без меня? Без моих денег? Без моего имени?

Я внутренне содрогнулась, но не шелохнулась, смело встретив полный бешенства взгляд его голубых глаз.

— Ты кто вообще такая, Анжела? — вдруг насмешливо фыркнул он, и в этой усмешке было столько презрения, что меня обожгло обидой. — Ты никто. И звать тебя никак. Всё, что у тебя есть, всё, чем ты была эти пятнадцать лет — это я. Моя слава. Мой кошелек. Моё имя на твоей визитке.

Он наклонился ещё ближе, и я почувствовала запах его терпкого одеколона.

— Без меня ты не выживешь, сдохнешь под забором через полгода, нет, через пару месяцев. Так что засунь свою гордость куда поглубже, я самец, я буду трахать, кого и когда захочу, а ты будешь молчать, как прилежная жена, заглядывать мне в рот и продолжать делать всё, что делала до этой глупой размолвки. Уяснила?

Я смотрела ему в глаза и не верила, что человек может вот так кардинально измениться всего-то за каких-то несколько лет... Но, видимо, он всегда был таким, а слава и деньги лишь ускорили гниение его мелкой, подлой душонки.

Я хотела тихо-мирно развестись и не мстить?

Не-е-ет, я стану суккой, я буду стервой, но Артём Горбов поплатится за каждое слово, за то, что так унизил меня!

Глава 5

Я, резко отскочив, развернулась и устремила на всех парах к выходу, прижимая к груди папку с контрактами. Ну уж нет, эти контракты я теперь ему ни за что не отдам! Сожгу, сожру, но он их не получит! Пусть сам ищет спонсоров, сам ведёт переговоры, сам пишет свои речи. Ну или Валерия. Посмотрим, как долго они продержатся!

— Стой! — рявкнул Артём за спиной.

Я даже не оглянулась, на всех парах мчась прочь от этих людей. Толкнула дверь, вышла в коридор, нажала кнопку лифта.

Он, конечно же, догнал меня. Схватил за локоть, рванул на себя. Пальцы больно впились в руку, я охнула, выронила папку, листы разлетелись по полу.

— Ты что, не поняла?! — толкнул меня к стене, вжал плечом в стену. Искажённое злобой лицо в сантиметре от моего, глаза бешеные, на шее вздулась вена. — Никуда ты не пойдёшь. Будешь делать то, что я скажу.

— Пусти, — прошипела я.

— Или что?

Я дёрнулась, пытаюсь вырваться, но он держал крепко. Я ему, что слону дробина, эта гора мышц сметёт меня и не заметит.

— Кх-м, Артём Викторович... — раздалось за широкой спиной супруга.

Слава, мой спаситель, совершенно бледный, замер неподалёку, сжимая в руке телефон.

— Отпустите её. Или я вызову полицию.

Артём смотрел на него ещё несколько секунд. Потом медленно разжал пальцы и отступил на шаг.

— Ты уволен, — бросил сухо.

Слава даже бровью не повёл, разве что крепче сжал сотовый.

— Я работаю на ИП Анжелики Константиновны. Не вам меня увольнять.

Муж перевёл яростный взгляд на меня. Я же потёрла горящую руку, и отчеканила:

— Вячеслав, ты ведь всё видел?

— Да, Анжелика Константиновна, даже снял на видео, которое уже отправил вам.

Ну вот золото, а не помощник!

Артём злобно с ненавистью зашипел, глухо матюгнувшись.

— Спасибо, Слав. Всё нормально, можешь идти в офис, жду запрошенные в пятницу данные на свою почту.

Парень, неуверенно кивнув, всё же поступил, как было велено.

Несколько секунд Артём стоял неподвижно. Желваки ходили под кожей, ладони то сжимались, то разжимались в тяжёлые кулаки. Я видела, как он борется с желанием ударить, но знала, что не посмеет. Потому что тогда его карьера полетит коту под хвост в ту же секунду.

Пока он пытался совладать с обуревающими его эмоциями, я собрала разбросанные бумаги, снова нажала на кнопку лифта, двери сразу же открылись и я шмыгнула внутрь.

— Ты об этом пожалеешь, — выдохнул сквозь зубы Артём и створки сомкнулись, отрезая меня от него.

Пиликнул сотовый и я открыла почту. “Досье на Ильяса Азимова”: фотографии, статистика боёв, вырезки из интервью. Адрес, где он тренируется: Люблино, улица Краснодонская, спортклуб «Витязь». В машине просидела ещё полчаса, изучая материалы.

Ильяс Азимов, тридцать три года. Родился в Махачкале, в четырнадцать переехал с семьёй в Москву. Начал заниматься борьбой в пятнадцать, в восемнадцать перешёл в ММА. Профессиональный рекорд: восемнадцать боёв, пятнадцать побед, три поражения.

Прозвище Ворон, почему именно Ворон, в материалах не объяснялось.

Два года назад подписал контракт с «Легионом». Провёл четыре боя, все выиграл. Потом отказался участвовать в договорном поединке против Перейры, должен был лечь в третьем раунде. Послал Костина матом прямо в кабинете при свидетелях. Контракт расторгли, официальная причина – «нарушение спортивной этики». Неофициальная – неуправляемый.

Два года без боёв. Ни один промоушен не хотел связываться с человеком, которого Костин занёс в чёрный список. Тренируется в подвальном зале в Люблино. Живёт там же, в съёмной однушке. Денег нет, спонсоров нет, перспектив нет.

О-о, для меня этот человек оказался просто в идеальной ситуации.

Я посмотрела на часы: половина двенадцатого. Если выехать сейчас, к часу буду на месте. Вбила адрес в навигатор и завела мотор.

До Люблино добралась за сорок минут. Краснодонская являлась спальным районом: панельные девятиэтажки, детская площадка с облезлыми качелями, продуктовый магазин на углу. Зал «Витязь» располагался в подвале жилого дома со входом со двора.

Я припарковалась у подъезда и посидела минуту, собираясь с мыслями. Что я скажу? Здравствуйте, я бывшая жена вашего соперника, хочу помочь вам его уничтожить? Даже звучит бредово. Но другого плана у меня не было. Вышла из машины и пошла к подвалу.

Лестница вниз, железная дверь с облупившейся краской. Табличка, подписанная от руки маркером: «Спортклуб Витязь. Часы работы: 8:00–22:00». Из-за двери доносились глухие удары и чьи-то голоса.

Я, сделав вдох, на выдохе резко толкнула дверь и шагнула вперёд.

Внутри пахло потом, резиной и чем-то кислым. Низкий потолок с гудящими лампами, бетонные стены, обшитые дешёвыми матами. В центре потёртый ринг с провисшими канатами. Вдоль стен шли турники, стойки с гантелями, висели мешки. Человек десять тренировались: кто-то молотил по мешку, кто-то боролся на матах, кто-то отрабатывал удары в парах.

На меня обернулись несколько человек и удивлённо замерли. Женщина в деловом пальто посреди подвального зала – зрелище, видимо, нечастое.

Я подошла к ближайшему парню лет двадцати с разбитой бровью.

— Здравствуйте, подскажите, пожалуйста, где найти Азимова?

В ответ парень молча мотнул головой в сторону ринга. Я перевела взор на находившихся там людей. Один, невысокий, коренастый, с бритой головой, держал лапы. Второй бил по ним сериями: джеб, джеб, хук, лоукик. Быстро, без лишних движений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.